

БРАЙАН
МАККЛЕЛЛАН

BOOKTRAN

ОСАДА
ТИЛЬПУРА

ПОРОХОВОЙ МАГ. РАССКАЗЫ

Адроанская армия долго и безуспешно осаждает гурланский форт Тильпур. Молодой пороховой маг Тамас служит сержантом. Он одержим честолюбивыми мечтами о блестящей карьере и считает, что в пехоте его способности пропадают впустую. Чтобы привлечь к себе внимание командования, он придумывает способ подорвать оборону Тильпура.

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax, bazal mont

Локализация обложки: zhuzh

Booktran, 2021 г.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru

Осада Тильпура

Закрыв глаза, сержант Тамас слушал, как вдоль линии фронта передаются приказы. Выкрики перемежались артиллерийскими взрывами за соседним холмом. Капитаны кричали на лейтенантов, лейтенанты – на сержантов, сержанты – на пехоту. Лишь вопрос времени, когда какой-нибудь бедняга-пехотинец сорвется на мальчишек-барабанщиков, просто чтобы выпустить пар, проорав кому-нибудь приказ.

Разумеется, все это ерунда: «держать строй, ребята», или «выше головы», или «первый, кто заберется наверх, получит сто кран». Все стояли наготове, с примкнутыми штыками, взведенными кремневыми ружьями, лестницами на плечах, напряженные, и просто ждали сигнала. Насколько мог судить Тамас, если чего и удалось добиться криком, так только того, что офицеры выплеснули собственную проклятую неуверенность как можно более по-мужски.

Тем временем пехота жарилась в форме: мундиры и штаны уже пропитались потом. Если генерал Сеске подождет еще полчаса, прежде чем отдать приказ об атаке, солнце пустыни запросто высушит всю адроанскую армию в шелуху.

– Это чушь собачья, – раздался голос позади.

– Цыц, Фартинг, – отозвалась рядовая Лиллен, лениво растягивая слова. – Я пытаюсь вздремнуть, пока все не начнется.

– Я не шучу, – не умолкал Фартинг. – Это полная чушь. Мы атакуем проклятый форт в лоб, посреди бела дня, с одними лестницами и легкой артиллерией. Ничего не выйдет так же, как не вышло в прошлый раз и позапрошлый. Нас всех разнесет картечью и магией. С тем же успехом можно провозгласить нас «пушечным мясом его королевского величества».

– Мог бы уже привыкнуть.

– Привыкнуть? Объясни, как можно привыкнуть к огненным шарам в морду? Видимо так же, как к тому, чтобы дремать стоя? Потому что это тоже выше моего понимания.

– Хочешь дезертировать? – Тон Лиллен стал насмешливым. – Ты уже почти три года твердишь, что собираешься дезертировать, и все никак. Мне начинает казаться, что я быстрее отправлюсь на тот свет, и очень жаль – я бы не отказалась посмотреть, как тебя приволокут обратно в лагерь и поставят перед расстрельной командой.

– Вот сука. Я тебя зарежу!

– Заткнись, Фартинг, – сказал Тамас. – А ты, Лиллен, вздремни. У тебя осталось примерно семьдесят секунд. Если кто и способен на такое, то только ты.

– Так точно, сержант, – промямлили оба солдата.

Послышались смешки от остальных девяти членов отряда Тамаса, но он не стал оглядываться. Пусть ноют и препираются по пустякам. По-другому сбросить напряжение перед таким важным наступлением не получится. А уж храбрости и преданности, в отличие от многих других, его ребятам не занимать. Они не отстанут от него ни на шаг не то что до самого форта, а хоть до самой бездны.

Тамас не сводил глаз с форта. Больше чем в миле поднимались густые клубы дыма от гурланских пушек – те отвечали адроанской артиллерии. Гурланские пушки были не

так хороши, как адроанские – им не хватало дальности и мощности для прицельного выстрела, но иногда противникам везло, и восьмифунтовое ядро, рикошетом отскочив от земли, сбивало адроанскую полевую пушку или под громкие вопли сминало строй пехоты.

Впрочем, защищавшая гурланский форт магия не уступала любой другой и выдержала почти два года обстрелов. Адроанская артиллерия бомбардировала стены без видимого эффекта. Интересно, почему это не надоело ни одной из сторон?

Единственный возможный способ захватить форт Тильпур – преодолеть стены и напороться прямо на острия гурланских штыков и пик.

Сам по себе форт нельзя было назвать великим чудом военной инженерии: шесть тридцатипятифутовых стен, шесть башен с луковичными куполами и широкие парапеты, благодаря которым гурланцы могли выставить не меньше двенадцати пушек с любой стороны. Форт был рассчитан примерно на две тысячи человек, но, по оценкам Тамаса, сейчас там находилось вдвое меньше. Не то чтобы это имело значение. Такой форт можно успешно защищать несколькими сотнями.

Тамас поддел бумажный кончик порохового заряда запачканным сажей ногтем большого пальца и прикоснулся языком к черному пороху, вздрогнув от серного вкуса. Решимость мгновенно усилилась, чувства обострились. В венах вспыхнула магия, одаряя силой четверых и такой скоростью, что можно добежать до форта меньше чем за три минуты. Не в первый раз он задался вопросом, как обычные солдаты справляются с напряжением битвы без порохового транса.

И сила, и скорость, и магическое бесстрашие пропадали впустую в рядах пехоты, где сражение сводилось к преимуществу в численности, а не индивидуальному мастерству. Однако командование все равно решило поставить его сюда. Оставалось только ждать и надеяться, что он проживет достаточно долго, чтобы перебраться через стены. Тамас высыпал остаток пороха в рот.

Им овладела эйфория, отогнав последние страхи.

За артиллерийскими позициями к генералу Сеске подъехал верховой. Они обменялись приветствиями, генерал кивнул и отдал приказ.

– Пора, – бросил Тамас через плечо.

Поблизости мальчик дважды ударил в барабан. Над рядами солдат повисла тишина.

– Вперед! – послышался долгожданный приказ.

Следующие пять минут превратились в водоворот крови и ужаса, как в бездне. За три четверти мили до стен в дело вступили гурланские Избранные со своей стихийной магией. На адроанскую пехоту обрушились огонь и лед. Марширующие в тылу адроанские Избранные частично отразили удар, однако их защиту все равно пробили во множестве мест, и поле усеяли обугленные тела.

В пятистах ярдах от стен барабанный ритм участился вдвое, и Тамас перешел на бег, обеими руками схватившись за мушкет и сжав зубы в предвкушении. Его отряд проклинал артобстрел.

Под ливнем картечи полегли целые взводы. Гурланцы успели дать два залпа, прежде чем передние ряды, в которых бежал Тамас со своим отрядом, оказались за линией огня.

– Лестницы! – крикнул Тамас, добравшись до каменного основания форта.

Лестничные команды бросились вперед и под градом мушкетных пуль и камней принялись поднимать длинные лестницы к стенам.

Подсчитав адроанскую пехоту, Тамас в мгновение ока оценил ситуацию. Сотни полегли мертвыми и ранеными, но стольким же удалось добраться до относительной безопасности под стенами, и еще больше наступало по каменистой, бесплодной земле. Он надеялся, что людей хватит, чтобы захватить форт.

«Просто помоги мне добраться до верха», – взмолился он, не обращая ни к какому конкретному богу, закинул мушкет на плечо и приготовился рвануть по первой приставленной лестнице.

Бьющая со стен магия усилилась, оставляя на земле выжженные следы. Задние ряды дрогнули. Тамас молча выругался, призвав своих держаться.

Где-то позади, у артиллерийских позиций раздался протяжный скорбный звук горна.

– Проклятье, нет. У нас получится. – Тамас глянул наверх. – Людей хватит, у нас получится!

Солдаты прекратили штурм и побежали обратно к адроанским позициям, побросав лестницы, снаряжение и мушкеты.

– Сержант, это отступление, – сказала Лиллен, схватив Тамаса за руку.

Он стряхнул ее.

– Проклятье, я знаю! Почему мы отступаем? Мы близко, как никогда. Придурки!

– Сержант!

– Знаю, иду.

Тамас бросил еще один взгляд на стены. Нужно просто попасть внутрь.

– Мы могли бы взять эти стены, сэр.

Тамас расхаживал взад-вперед по маленькой палатке капитана Перега. Сухой пустынный воздух отдавал поражением. В этот вечер во всем лагере было мрачно, угрюмо и тихо, лишь из палаток хирургов доносились крики раненых.

Капитан Перег сидел, закинув ноги в сапогах на койку и откинувшись на спинку стула, и озадаченно смотрел на разложенные перед ним на тумбочке игральные карты. На кровати лежал темно-синий мундир. Пуговицы его белой нижней рубахи были расстегнуты, ворот помят и промок от пота. Он почесал коричневые бакенбарды, взял карту, и, помедлив, вернул на место.

– Капитан! – Тамас отвлек Перега от игры. – У нас могло получиться.

Перега глубоко вздохнул.

– Даже не знаю, что тебе сказать, сержант. Генерал Сеске решил иначе, и обзор поля битвы у него был лучше, чем у тебя.

– Я был на этом поле, сэр.

– А он видел картину в целом. Не нужно сомневаться в генерале. Он уже больше десяти лет в офицерах.

– Это как-то мешает ему принимать ужасные решения?

– Слишком много солдат погибло, прежде чем удалось добраться до стен. Дальнейшая атака стоила бы нам еще больше жизней.

– Или мы бы успешно довели осаду до конца, – возразил Тамас.

– Сеске – генерал. Наш генерал.

– Не по заслугам, – проворчал Тамас.

Взяв карту, Перег ткнул ею в сторону Тамаса.

– Послушай-ка, сержант. Я не позволю тебе порочить офицеров короля даже в приватной беседе, а особенно мужа моей тетки, пусть мы с ним и не в лучших отношениях. Ты хороший солдат, и я терплю тебя, потому что ты стоишь трех сержантов, но не забывай свое место. Ты простолюдин. А у Сеске благородная кровь.

– Я думаю, в этом-то и проблема.

Перег пожал плечами.

– Ничего не поделаешь.

«Тебе легко говорить, – подумал Тамас. – Ты младший сын барона. Через двадцать лет сам станешь генералом, а мне к тому времени повезет дослужиться разве что до капитана».

– Сколько ты потерял сегодня из своего отряда? Одного? – спросил Перег.

– Джердин ранен, но вряд ли переживет ночь.

– Видишь? – Перег вытряхнул песчинки из уха. – И чего ты не в восторге? Пережил день, как и большинство твоих людей. На мой взгляд, это победа.

«Ты мне нравишься, Перег, но ты идиот».

– Нам повезло. Не более. Капитан, мне нужно попасть за эти стены.

Перег вскинул голову от карт.

– Никак не успокоишься насчет повышения?

– Вы сами сказали, сэр, я простолюдин. – Тамас склонился над тумбочкой. – Для меня единственный способ стать офицером – проявить доблесть в бою.

– Ты пороховой маг. Проклятая машина для убийства, это сразу видно. В любой другой стране тебя бы сразу повесили. Избранным... – понизив голос, Перег оглянулся через плечо, будто колдун прятался в углу палатки, – Избранным не нравится, что у вас есть сила. Радуйся, что дослужился до сержанта. Если когда-нибудь станешь мастер-сержантом, можешь гордиться карьерой. Во имя Кресимира, тебе всего девятнадцать, а ты уже сержант!

Разумеется, Перег прав. Даже если не брать в расчет происхождение, аристократы и их ручные колдуны презирают пороховых магов. Они утверждают, что пороховая магия примитивная и пользуются ею только отбросы человечества. Тамас знал правду – они боялись того, на что он способен. Он обдумал, как объяснить Перегу всю неотложность своей ситуации, тяжесть в груди, с которой он просыпается каждое утро из-за того, что не продвигается по служебной лестнице. Нельзя расслабиться даже на одну кампанию, потому что в вопросах карьеры все складывается против него.

– Если понадобится, я сам зачищу проклятый форт, сэ. Мне просто нужно попасть за стены, и гарнизон падет. Ручаюсь.

– А мне, – сказал Перег, хмуро глядя на карты, – нужно выиграть эту партию, иначе я прерву фантастическую серию.

Тамасу захотелось выбить из-под Перега стул и посмотреть, как он плюхнет на задницу.

– Дама грачей.

Перег нахмурился еще больше, перебирая взглядом карты, потом его лицо прояснилось.

– Ага, вот она. Спасибо, сержант! Слушай, выдай-ка своим людям дополнительную порцию пива за сегодняшние старания. – Он поднял взгляд, задумчиво постукивая по даме грачей. – И послушай мой совет: простолюдина амбиции не до добра доведут, а сведут в могилу.

– Как Джердин? – спросил Тамас, вернувшись к небольшой группе палаток, занятых двадцать вторым отрядом девятого пехотного полка его королевского величества.

Рядовой Фартинг оторвал взгляд от длинной ветки полыни, которой ворошил навозный костер. Среднего роста парень, с щербатым лицом, обожженным за долгие годы под солнцем Гурлы. Когда Тамас встретил его впервые, Фартинг был упитанным малым, задыхавшимся на каждом шагу. Однако военные кампании его закалили, и теперь он больше напоминал потрепанный лоскут обувной кожи.

– Умер полчаса назад, – ответил Фартинг.

Тамас опустил на соседний табурет и потер виски. Еще одного не стало. Трое погибли в предыдущем неудачном штурме, двое еще раньше. Интересно, сподобятся ли перевести к нему новых солдат или просто подождут, пока он не отдаст концы, и отправят его отряд под командование другого сержанта.

– А как рука Мордесии?

– Просто царапина. Заживет через неделю, если рана не загноится. Сержант, можно вопрос?

– В чем дело?

– Поговаривают, что другой сержант слышал, как я жаловался сегодня в строю. Меня ведь не отдадут под расстрел? Я просто немножко поныл. Они ведь это знают?

Тамас не сводил взгляда с мерцающего свечения костра.

– Я не дам расстрелять тебя только из-за того, что ты слегка распустил сопли перед лицом смерти, Фартинг. Если кто что спросит, скажешь, что перегрелся на солнце. В худшем случае почишь неделю нужники.

– Спасибо, сержант. Вы порядочный человек. Хотите услышать хорошие новости?

– Всегда.

– Помните мою кузину? Горничную из свиты генерала Сеске?

– Да.

– Видел ее сегодня вечером. Она подслушала один разговор, и вроде нам приказывают выводить войска. Сегодняшняя атака была последней. Командование считает, что у Сеске не выйдет взять форт до конца кампании.

Тамас и бровью не повел, придав лицу нейтральное выражение. Однако чувствовал он себя так, будто его пнули в живот. Конец кампании, а ему нужно успеть дослужиться до мастер-сержанта. Если они отступят без боя, шанса на повышение по службе не видать до следующего года. Он не мог, да и не хотел ждать так долго.

– Прекрасно. Просто прекрасно.

– Ладно. – Фартинг бросил в огонь очередную порцию навоза. – Как прошел разговор с капитаном?

Тамас хмыкнул в ответ. За ним успела закрепиться репутация выскочки, но даже ему ясно, что не стоит сплетничать о старших офицерах со своими людьми. Кроме того, и так есть о чем беспокоиться. Хорошие новости? Да это ужасные новости. Его карьера – его жизнь – застопорилась до следующей кампании, потому что Сеске не мог придумать ничего лучше, чем бросать людей на вражеские пушки и надеяться, что у гурланцев кончится картечь.

Несколько минут они сидели молча, слушая, как кто-то из соседнего отряда тихо напевает застольную песню – чуть медленнее, чем обычно, под настроение в лагере.

– Сержант, можно еще вопрос? – подал голос Фартинг.

Тамас кивнул.

Фартинг подвинул свой табурет на пару дюймов ближе к Тамасу, огляделся и опустил голову.

– Это же чушь, верно? Я имею в виду, бросать нас на проклятый форт тысячами за раз, когда понятно, что мы не возьмем стены. Это же чушь?

– Не нам решать.

У Тамаса желудок завязался узлом. Это и правда чушь. В приказе о выводе войск наверняка не прописана последняя атака, а значит, Джердин и сотни других бедняг погибли из-за прихоти и оптимизма Сеске. Так войну не ведут. Тамас – сержант, безродный пороховой маг, и даже ему это ясно.

– Однако, – добавил он, – если не прикроешь варежку, чисткой нужников дело не ограничится.

– Так точно, сержант. – Фартинг умолк.

Тамас встал и, поглядывая в пустынное небо, зашагал вдоль стройных рядов палаток. Это место в тысячах миль от дома обладало некой грубой красотой, и для него она заключалась в ярко сиявших звездах, свет которых не затмевали уличные фонари Адопеста. Милях в трех от форта он нашел холм, с которого можно было смотреть на звезды над Тильпуром.

С такого расстояния форт выглядел как перевернутая подставка для ног посреди пустыни. В его единоличном распоряжении находился единственный пресноводный источник на восемьдесят миль вокруг. По слухам, запасов провизии гурланцам хватит еще на два года, да и о воде беспокоиться не придется, поскольку форт выстроен прямо на источнике.

Гурланцы ни разу не упустили контроль над Тильпуром. Его осаждал Кез, бруданцы, дважды адроанская армия, и, если верить горничной генерала Сеске, вторая попытка провалилась. Лучшие умы адроанского командного состава не могли придумать, как расколоть этот орешек.

«Жаль, – с горечью подумал Тамас, – что лучшие умы адроанского командного состава – вырождающиеся тупицы из наименее талантливых слоев знати».

Впрочем, как бы неприятно ни было это признавать, сам он тоже не придумал способ преодолеть защищенные магией стены. Неужели бесполезная артиллерия и самоубийственные атаки пехоты – лучшее, что может предложить современная армия, гордость Адро?

Его взгляд блуждал между далеким силуэтом Тильпура и устьем источника. Тот вытекал из-под стен форта и впадал в реку, которая не пересыхала круглый год и давала жизнь оазису под южной стеной. Оазис простирался на многие мили вокруг и служил приютом для диких животных, а для адроанцев был единственной возможностью передохнуть в этом негостеприимном месте. Тильпур – заветный трофей для любой армии, но никто не мог его получить.

Нужно всего лишь проникнуть за стены во главе пары сотен пехотинцев, и Тамас зачистит форт в считанные часы... Мысль оборвалась, и он задумчиво уставился на залитый лунным светом силуэт форта. А что, если можно управиться и без роты солдат?

Тамас побежал обратно в лагерь. Фартинг, Лиллен и все остальные сидели вокруг догорающего навозного костра.

– Лиллен, – произнес он, отдышавшись, – у тебя сохранился поэтажный план Тильпура, твой рисунок?

Лиллен заползла в палатку и вернулась со свернутым пергаментом. Тамас разложил его на земле и, поразмыслив над детальным изображением, глянул на Фартинга.

– Как думаешь, сможешь достать мне дюжину «кошек»?

Обычно генерал Сеске был человеком веселым, под рукой у него всегда имелись вино и какая-нибудь туземка или приживальщица, с которой можно разделить постель. Однако что-то – вероятно, приказ о выводе войск в сочетании с неудачным штурмом Тильпура – привело его в дурное настроение, и именно этот момент выбрал Тамас, чтобы наконец поднять Сеске с постели почти в час ночи.

Сеске было под пятьдесят. Темная кожа выдавала в нем чужестранца, но брак с адроанской герцогиней гарантировал звание в адроанской армии. Пробежавшись руками по редким седым волосам, Сеске натянул поверх нижней рубахи тонкий шелковый халат. Покосился на Тамаса, потом на капитана Перега. Тот был явно не в восторге от позднего часа, как и сам Сеске.

– В чем дело, Перег?

Перег теребил свой бикорн.

– Дядя, прошу прощения, что поднял вас с постели в такой час, но... кое-что произошло.

– Кое-что? Что именно? Я так хорошо спал. Если Тильпур не сдался или сам Кресимир не вернулся в земли смертных, очень надеюсь, что услышу хорошее объяснение.

Тамас прочистил горло и освободил место на столе для рисунка Лиллен.

– Сэр, мне очень жаль прерывать ваш сон, но, кажется, я могу добиться того, чего вы хотите.

– И чего же?

– Капитуляции гурланцев.

– Перег, что это за демон?

– Сержант Тамас, дядя. Один из наших лучших пехотинцев.

– Тамас. Тамас. Откуда я знаю это имя?

– Он пороховой маг, сэр.

Сеске громко фыркнул.

– Ба! Пороховые маги. По-моему, ничем не лучше собак. Без обид, сержант Томми. Чисто профессиональное мнение. Уверен, ты хороший парень. С чем родился – с тем родился, ничего не поделаешь. А ты, Перег, скажи-ка, какой бездны он делает в моей палатке?

Тамас снова прочистил горло. Возможно, дело в позднем часе, но было бы неплохо, если бы генерал умел концентрироваться хоть немного дольше, чем капризный ребенок. Тамас сохранял сдержанное выражение лица.

– Сэр, у меня есть план, как добиться успеха в осаде.

– Что ты такое говоришь? – Сеске зашарил по карманам халата, вытащил очки и, надев их, уставился на Тамаса. – Что ты имеешь в виду?

– Позвольте вопрос, сэр?

Сеске поправил халат и, вздернув подбородок, подозрительно посмотрел на Тамаса.

– Изволь.

– Почему мы не отправляли рейдерские отряды за стены Тильпура по ночам? Забивать пушки, резать глотки, портить порох и все такое.

– Не слишком благородно.

– На войне благородству не место.

Сеске фыркнул.

– Потому что такой рейд – самоубийство.

– Чуть более верное, чем пехотная атака в лоб. – Тамас заторопился, пока Сеске не оскорбился. – Но именно это «чуть» – вот что важно. Отправьте людей на самоубийственное задание, и вас ждет мятеж. Я прав, сэр?

– Допустим. – Сеске прищурился.

– И лобовая атака, и Безнадежные имеют крошечные шансы на успех. Небольшой отряд, который преодолет стены ночью, попадет в ловушку. Их убьют как собак, как только они спустятся в форт, чтобы поджечь боеприпасы. Когда они окажутся внутри, надежда на возвращение почти исчезнет. Разве что... будьте добры, посмотрите вот сюда.

Сеске придвинулся к столу, взял поэтажный план Лиллен и стал изучать его при свете масляной лампы, подвешенной в палатке.

– Откуда он у тебя, сержант? С каких пор мы раздаем столь подробные рисунки рядовому составу?

– Одна женщина в моем отряде до армии ходила в ученицах у архитектора, – пояснил Тамас. – Она сама нарисовала этот план на основании отчетов разведчиков.

– Ах вот как. Молодец.

– Да, сэр. А теперь, пожалуйста, обратите внимание вот на эту точку. – Тамас указал пальцем на нужное место. – Главный колодец форта во внутреннем дворе уходит под землю футов на пятьдесят к водоносному слою под крепостью.

– Так.

– И если вы посмотрите вот сюда, то увидите, где источник появляется из-под скал чуть ниже форта.

– Разумеется.

– Я думаю, в этом ключ, сэр.

Поправив очки и подрегулировав свет от лампы над головой, Сеске несколько мгновений хмуро разглядывал карту.

– Я не вполне понимаю, к чему ты клонишь. Мы уже рассматривали возможность отравить воду, но любому дураку понятно, что вода вытекает из водоносного слоя, а значит, засорить их источник невозможно.

– Я имею в виду вовсе не это, сэр. Помните, я говорю о рейде. Посмотрите на те два места, что я указал. Что вы видите?

Сеске вздохнул.

– Совершенно ничего. Я пялился на подобные рисунки по несколько часов в день все проклятое лето.

«И если ты скажешь, что нашел ответ там, где я его не увидел, это будет подразумевать, что я дурак», – предупредил его тон.

Тамас подавил стон разочарования. Сеске и правда дурак, но Тамас – простой сержант, и если он начнет указывать вышестоящему офицеру на оплошности, повышения точно не получит.

– Это не совсем очевидно, сэр, – слукавил Тамас, – но, как видите, между колодцем форта и местом, где источник выходит из-под скал, всего несколько десятков ярдов. Не такое уж большое расстояние, чтобы задержать дыхание.

– Ты предлагаешь отправить людей через источник и вверх по колодцу?

– Против течения? Нет, сэр. Я имею в виду, что колодец – легкий путь отхода. Если посреди ночи мы отправим человек, скажем, пятнадцать на стены с веревками и «кошками», они смогут заклепать гурланские пушки, поджечь пороховые склады, даже убить нескольких стражников и, как только поднимется тревога, отступить через колодец. План, может, и не самый грандиозный, но сегодняшняя атака была как никогда близка к успеху. Если вывести из строя хотя бы часть пушек, можно организовать еще одну и взять стены.

– Не слишком благородно, – пробормотал Сеске. – Такая коварная тактика ставит нас на одну доску с гурланцами.

– Возможно, – согласился Тамас. – Но, сэр, это возможность сломить Тильпур. А офицер, взявший Тильпур, заслужит благосклонность самого короля.

Сеске посмотрел на карту, на Тамаса, потом на Перега.

– Скажи-ка, – обратился он к Перегу, – это шутка?

– Не шутка, сэр, – ответил тот. – Звучит разумно.

– Это потому, что ты ничего не смыслишь в стратегии, Перег. – Сеске хлопнул по карте тыльной стороной ладони. – Даже если предположить, что несколько человек переберутся через стены и заклепают достаточно пушек, чтобы их усилия не пропали даром, задача все равно самоубийственная. Любому дураку ясно. Эти ребята должны быть либо чересчур самонадеянными, либо чересчур отчаянными, чтобы записаться добровольцами.

– Я хотел бы предложить человека, который отвечает обоим этим требованиям, сэр, – сказал Тамас.

– И кто это?

Тамас улыбнулся.

– Я, сэр.

– Я сказал раздобыть «кошки».

– Прошу прощения, сержант, – отозвался Фартинг, – но мы не в каком-нибудь Горном Дозоре. Мы посреди пустыни.

Тамас перевернул запасную пару сапог, изучая результаты усилий Фартинга.

– Это просто цепь, обмотанная вокруг носка и пятки.

– На крайняк сойдет.

– Я заберусь в таких на стену? И это не кирка, это штык, согнутый под прямым углом.

– С ремешком, чтобы не потерять, если выпустите из рук, – гордо указал Фартинг.

– Не хочу показаться нескромным, но совсем неплохо для пары часов работы.

– И сколько всего таких комплектов?

– Пять пар «кошек» и два комплекта кирок, сержант.

Пять. Чтобы рейд оправдал себя, Тамасу требовалось от двенадцати до пятнадцати человек. Пятерым придется действовать быстро, без надежды прорваться с боем, если их загонят в угол. Но придется ограничиться тем, что есть.

«Нет, – передумал он. – Может, так даже лучше. Пятеро перемещаются намного тише, чем пятнадцать».

– Один комплект возьму я. Остальные пусть тянут жребий.

– Прошу прощения, сэр, но я никогда бы не отправил вас на стены с моим снаряжением, если не иду сам, – сказал Фартинг. – Пусть остальные тянут жребий для троих. Я пойду.

Тамас глянул на цепь, обмотанную вокруг носка сапога.

– Рад слышать, что ты готов поставить на это свою жизнь. Хорошо. Луна убывает. Выходим завтра ночью. Молимся о тумане.

Как выяснилось, из-за ясного неба волноваться не стоило. Следующим утром над пустыней промчались тучи, и к вечеру гром заставил армию забиться в палатки. Пришлось закрепить веревками все снаряжение до последней железки. С наступлением ночи высунули носы только те несчастные, кому выпало заступать в караул. Ветер обрушивал на лагерь потоки дождя, которые пропитывали потрескавшуюся почву, вынуждая солдат передвигать палатки повыше, чтобы избежать подтопления.

Тамас повел свой крошечный отряд по ничейной земле между адроанской артиллерией и Тильпуром. С ним отправились Фартинг и вытянувшие жребий Лиллен, Кримин и Олеф. Двое последних – повар и музыкант отделения. Они покинули лагерь сразу после наступления темноты и крались через пустыню, прячась за кустарником, когда сверкали самые сильные молнии.

К тому времени, как они достигли основания форта, дождь превратился в ливень. Когда Тамас глянул на скользкие и зловещие стены высотой в тридцать пять футов, сердце у него оборвалось.

Это хуже самоубийства.

– Вот, закусите зубами. – Фартинг раздал полоски дубленой кожи. – Если сорветесь, закусите сильнее и надейтесь, что земля мягкая. Если кто-то закричит, всем конец.

Тамас дал знак приблизиться, и отряд сгрудился вокруг него. Он указал на стены, надеясь, что не тащит четверых солдат за собой на смерть.

– Видите? – спросил он сквозь шум ливня. – Сегодня ночью эти стены – наши худшие враги. От них зависит, упокоимся ли мы навечно на богом забытых гурланских равнинах или вернемся домой героями. Лично я предпочел бы последнее.

Остальные засмеялись, но он серьезно продолжил:

– Это не пустое высокомерие. Мы не солдаты, которые маршируют в шеренге навстречу картечи и магии. Мы пять дерьмовых пехотинцев, которые хотят закончить проклятую осаду на своих условиях, а не на условиях так называемого начальства. – Он сделал паузу, заслонив глаза от дождя. – Мы можем вернуться и перезимовать дома в Адопесте, а потом опять оказаться здесь перед лицом смерти. Или можем сделать то, чего не удалось пяти тысячам человек, и взять этот проклятый форт. Вы со мной?

Все четверо безмолвно отсалютовали кулаком в грудь.

– Я бы выбрал вас четверых, а не всю адроанскую армию, – сказал Тамас, осознав, что так и есть. – Полезли.

Фартинг, самый опытный верхолаз, пошел первым. Тамас досчитал до шестидесяти, сыпанул черный порох из заряда себе на язык и полез следом.

Он использовал изогнутые штыки как кирки, выискивая остриями трещины в каменной кладке, тщательно проверял каждую опору и дюйм за дюймом мучительно продвигался вверх. Через несколько минут мышцы, пусть и усиленные порохом, горели, руки и ноги дрожали от непривычной нагрузки.

Тамас сильнее прикусил кусок кожи. Оружие и инструменты, свисающие с пояса, налились тяжестью. При каждом сильном порыве ветра тело пронзала дрожь, заставляя опасно покачиваться. Он не осмеливался взглянуть ни вверх, сквозь проливной дождь, ни вниз, чтобы не закружилась голова.

Каждое мгновение он ждал, что по вине ненадежного куска кладки полетит на землю или сверху раздастся окрик стражника, за которым последует сигнал тревоги. Цепи на носках сапог скользили, острия слишком громко царапали камень.

Тамас часто замирал, выискивая магическими чувствами черный порох. В башнях слева и справа обнаружилось некоторое его количество – будто светлячки собрались в сумерках теплой адроанской весны. Похоже, стражники рады пересидеть в укрытии и думают, что буря сорвет ночную атаку.

Наконец Тамас добрался до верха стены, замер на мгновение и с глубоким вдохом перемахнул через край.

Фартинг уже был на парапете и закреплял веревку, чтобы сбросить ее вниз. С дрожью в теле Тамас выпрямился и занялся собственной веревкой. Вместе они закрепили третью, потом Тамас перегнулся через край и помахал трем почти неразличимым фигурам внизу.

Он понаблюдал, как они начали подниматься, и переключил внимание на башни. Как он и сказал, с восхождением их испытания не заканчиваются, а только начинаются. С колотящимся сердцем Тамас вытащил нож и пошел к ближайшей башне.

В караулке было тихо, темно и прохладно. Тамас чувял внутри черный порох – достаточно зарядов для двух человек. Он медленно толкнул дверь и поморщился, когда та скрипнула. Его встретил храп.

Пригнувшись, Тамас подкрался к двум гурланским стражникам, следя за тем, как вздымаются и опадают их грудные клетки. Они спали вповалку, с осунувшимися, но спокойными лицами. Измученные люди, погруженные в глубокий сон. Мундиры порванные и грязные, со множеством заплаток из самой разной ткани, что нашлась в осажденном форте. Тамас занес нож и понял, что колеблется. Как бы он ни поднимал на смех идею благородной войны, сейчас все по-другому, не так, как на парапетах или в поле. Это убийство.

Но что значит пара хладнокровных убийств по сравнению с жизнями адроанцев, которые погибнут, пытаясь взять форт?

Он перерезал горло первому и дважды ударил второго, быстро и резко воткнув лезвие сначала в легкое, потом в сердце. Вытер кровь с ножа и оставил их умирать в той же позе, в которой они спали.

Благодаря сверхъестественным, подпитанным порохом чувствам Тамас видел в темноте лучше других и без труда нашел пушки. Вытащив из-за пояса зазубренный штырь, он поместил его над запальным отверстием пушки и поднял молот, глядя через окно в небо. Вспыхнула молния, и молот опустился вместе с раскатом грома. Прежде чем вернуться к Фартингу и остальным, Тамас проделал то же самое еще пять раз – по три удара на каждый штырь.

Его люди успели зачистить противоположную башню, с ножей капало. Тамас жестом собрал их вокруг себя и указал на следующую башню.

– Испортим как можно больше пушек. Как только услышите тревогу, бегите к веревкам и быстрее спускайтесь со стены.

– Что вы имеете в виду? – спросила Лиллен, поправив намокшую куртку. – Я думала, мы уйдем через колодец?

– Водяная могила, – покачал головой Тамас. – Байка, чтобы Сеске разрешил нам попробовать.

– И мы не подожжем боеприпасы? – нахмурившись, спросил Фартинг.

– Это сделаю я. Сам.

– Это самоубийство.

– Я могу двигаться быстрее всех вас вместе взятых. Подожгу боеприпасы и вернусь прежде, чем вы спуститесь. Мы зря тратим время. Вперед.

Подавив протесты, Тамас обменял у Фартинга свой молоток, штыри и засапожный нож на длинный нож с неподвижным клинком и заряженный пистолет. Убедился, что порох сухой, и в одиночку пошел вдоль стены к винтовой лестнице ближайшей башни.

Спустившись без происшествий, Тамас замер перед толстой деревянной дверью и прислушался. На фоне отдаленного грома еле слышались голоса. Слегка приоткрыв дверь, он увидел небольшую компанию гурланских солдат: они кружком сидели на корточках и играли в кости при свете единственной масляной лампы. Мгновение он наблюдал за ними, машинально высыпав на язык новый пороховой заряд.

На зубах закрипел порох. Тамас вытащил нож Фартинга и сделал долгий, глубокий вдох.

Он бросился в караулку, преодолев пространство между дверью и играющими пехотинцами за два длинных шага. Сердце колотилось, сила порохового транса струилась по телу, любое движение пехотинцев казалось медленным и неуклюжим.

Он убил самого быстрого, когда тот кинулся за мушкетом. Второй распрощался с жизнью от стремительного удара ножом, а третьему удалось вытащить собственный нож, отбить рубящий удар и с криком сигануть к двери. Тамас прыгнул следом, на ходу поменяв хват, и вбил нож в основание позвоночника стражника. Потом выдернул лезвие и погрузил его еще раз между ребер.

Не успел Тамас развернуться, как четвертый стражник обрушил приклад мушкета ему на челюсть с такой силой, что свалился бы и верблюд. Тамас отшатнулся, голова зазвенела от удара, но благодаря пороховому трансу удалось остаться в сознании. Он поймал следующий удар, вырвал мушкет из рук стражника и засадил прикладом тому в горло. Гурланец рухнул, с бульканьем хватая ртом воздух.

Руки Тамаса дрожали от скорости боя, грудь вздымалась. В голове гудело, на бедре обнаружился порез, казавшийся в пороховом трансе слабым ожогом. Все было как в тумане, мысли путались. Сверхъестественное зрение, похоже, пострадало от удара по голове. Дополнительная порция пороха не помогла.

Тамаса охватил сильный соблазн вернуться на вершину башни и спуститься вслед за отрядом по стене. Они ведь испортили достаточно пушек? Неужели поджог боеприпасов сильно поможет делу?

Конечно, поможет. Испорченные пушки парализуют гарнизон. А уничтожить боеприпасы – все равно что уничтожить дух гурланцев, а может, и заставить их сдаться

без пролития адроанской крови. Тамас не мог все бросить. Осталось совсем немного. Его люди в нем нуждаются.

Он чуял большое количество пороха под соседней башней. Но нужно пошевеливаться.

Тамас без помех добрался до следующей караулки, поглядывая сквозь дождь, как там идут дела у отряда. Темные фигуры, пригнувшись, медленно двигались вдоль стены. Тревогу до сих пор никто не поднял.

Пока что.

Несколькими сильными ударами обухом ножа Тамас сбил цепь с решетчатой двери склада боеприпасов и в полной темноте прокрался вниз по лестнице. Даже от усиленного пороховым трансом зрения было мало толку: он слабо различал лишь очертания ступеней и стен.

Чем ниже он спускался, тем сильнее холодало, шум дождя стих, гром долетал приглушенно. Ступени привели в просторное помещение, где Тамас почувствовал набитые порохом бочки. Помогая себе ножом, он на ощупь сорвал несколько крышек, опрокинул бочки и пинками раскатил их по комнате. На губах оседала пороховая пыль.

Схватив бочонок, Тамас насыпал пороховую дорожку от центра комнаты к подножию лестницы, потом вытащил из кармана шнур-детонатор и разложил его на первых ступенях. Прижал щепотку пороха к кончику шнура и сосредоточился на ней с помощью магии.

Вспыхнув, шнур осветил комнату с боеприпасами. На стенах заплясали тени. Пару мгновений Тамас заворуженно наблюдал, как мерцающий огонек с шипением подбирается к черному пороху.

Потом до его уха донесся какой-то звук.

Крик был далеким, приглушенным, но Тамас тут же сорвался и побежал по ступеням во двор. Он выскочил из склада с боеприпасами и угодил в хаос: солдаты вокруг кричали по-гурлански.

Полдюжины гурланцев высыпали из казарм под дождь и целились в четыре фигуры, бегущие по верху стен. Тамас силой мысли поджег в мушкетах порох. Мушкеты разнесло на части, опалив вражеские лица. Одного бедолагу с пороховым рожком на поясе разорвало пополам.

Из ближайшей караулки показались еще трое. Тамас бросился вперед, обнажив нож, быстро и безжалостно справился с ними и ворвался внутрь. Пока поднимался по лестнице, вытащил пистолет, слушая крики наводнивших двор гурланцев. Потянувшись магическим чутьем, он взорвал весь порох, до которого удалось достать.

Этого оказалось недостаточно. К тому времени, как он добрался до верха стены, внутренний двор кишел солдатами. Вскинув мушкеты, они вслепую палили по парапету. Тамас рискнул выглянуть из караулки, и сердце его упало.

Во дворе он повернул не туда и поднялся не по той лестнице. Веревки остались на противоположной стороне форта. Его отряда как не бывало – то ли в плену, то ли успели перелезть через край, но он остался один в осином гнезде без возможности спуститься со стены. Падение с тридцати пяти футов будет стоить ему самое малое сломанных ног, даже в пороховом транссе.

Придется как-то добираться до веревок.

Шестое чувство, некое покалывание в крестце заставило Тамаса броситься обратно в караулку. Парашет окатило пламенем, Тамас едва не ослеп. Во рту пересохло.

К охоте присоединился гурланский Избранный.

Сколько в гарнизоне Избранных? Один? Два? Не вспомнить. Тамас знал, что не продержится против Избранного и тридцати секунд. Высунь нос из укрытия – и тут же превратишься в пепел. Останься на месте – и превратишься в пепел, когда тебя найдут. Сломанные ноги начали казаться не самым плохим вариантом.

Тамас потянулся усиленным порохом чутьем в поисках Избранного. Один оказался поблизости, внизу во дворе. Второй – не намного дальше... он поднимался на стену, с которой свисали веревки Фартинга, помечающие отходной путь.

Второй Избранный отправился за беглой четверкой. Он убьет их всех одним щелчком пальцев. Они умрут, не успев и вскрикнуть.

Тамас поднял пистолет, молясь Кресимиру, чтобы Избранный во дворе не посмотрел в его сторону.

Высунувшись из караулки, он отыскал во мраке второго Избранного, ориентируясь по магической ауре и белым перчаткам над головой. Не такой уж дальний выстрел, максимум пятьдесят ярдов, но из пистолета в таких условиях – почти невозможный.

Для всех, кроме порохового мага.

Медленно выдохнув, Тамас заставил себя твердо держать руку и спустил курок. Пуля полетела вперед, вытягивая энергию из порохового заряда в другой его руке. Тамас подправлял траекторию силой мысли, учитывая дождь и ветер. Миновала, казалось, целая вечность, хотя прошло не больше доли секунды, и пуля наконец снесла Избранному полголовы.

Тамас отбросил пистолет и заскочил обратно в караулку – на стену слева от него обрушилось пламя. Он ждал с колотящимся сердцем, подумывая о прыжке.

На лестнице послышался топот сапог и шепот приказов. Тамас коснулся разумом пороха и вздрогнул от взрыва. Рано или поздно они поймут, кто он такой, и Избранные зальют башню пламенем сверху донизу.

Тамас нащупал в кармане полоску кожи, припомнив слова Фартинга: «Закусите зубами. Если сорветесь, закусите сильнее и надейтесь, что земля мягкая». И зажал ее между зубами.

Тогда-то ему и вспомнилась темная каменная яма колодца, не дальше дюжины футов от того места, где он почуял Избранного. В голове всплыл рисунок Лиллен. Тамас поразмыслил над пятидесятифутовым падением в холодную воду. Шансов выжить больше, чем при падении со стены, и вряд ли его будут преследовать.

Он потянулся чутьем, чтобы лучше понять, где по отношению к нему находится Избранный, – двенадцать футов вдоль стены, восемь футов от нее и примерно тридцать футов вниз.

– Надеюсь, – сказал себе Тамас, поднявшись на ноги, – что сукин сын жирный.

Он выскочил из караулки, пробежал дюжину шагов по парашету и прыгнул во двор, оттолкнувшись изо всех сил, которые придавал ему порох. В полете замахал

руками, кишки превратились в желе, темная земля, кишащая гурланской пехотой, понеслась навстречу.

Последнее, что Тамас увидел перед ударом, были белые, поднимающиеся вверх перчатки. Он врезался в тело, и Избранный с криком рухнул на землю. Тамас перекатился и сумел встать на ноги, оступившись на подвернутой лодыжке. Обожгла плечо второпях выпущенная из мушкета пуля. Стиснув зубы от боли, он взорвал весь порох в пределах досягаемости. Взрыв оглушил, и Тамас, понадеявшись, что посеял достаточно смятения, захромал к колодцу.

Еще одна пуля пробила рукав куртки, другая просвистела прямо над ухом. Во влажном воздухе висел дым от взорванного пороха, проникая в ноздри и подгоняя вперед. Тамас добрался до устья колодца и бросился через край с мыслью, что падение, скорее всего, его убьет.

Это не имело значения, главное, убраться отсюда.

Он врезался во что-то твердое. На миг его охватила растерянность, потом он понял, почему не падает. Колодец оказался закрыт железной решеткой, которая не давала спуститься на дно. Задохнувшись, Тамас поднял лицо навстречу дождю. Сердце ухнуло в пятки. Мало того, что он посреди гурланского форта, так теперь еще и загнан в угол, как крыса в клетке.

Он умрет так же, как жил: с высокомерием и отчаянием, и по-прежнему проклятым сержантом.

Над ним навис гурланский пехотинец. Тамаса схватили за лодыжки и плечи и потянули наружу. Он пошарил в поисках ножа Фартинга, но ножны оказались пусты. Оставалось лишь беспомощно наблюдать, как пехотинец поднял приклад винтовки и опустил ему на голову. Тамас закрылся рукой, чтобы смягчить удар, и почувствовал острую боль, когда сломалось запястье.

Под ним что-то сдвинулось. Заскрежетал металл, и решетка обрушилась вниз. Ахнув, Тамас вдруг понял, что падает. Его поглотила чернота колодца, гурланец стремительно уменьшался в размерах. Задев ногами стенку колодца, Тамас закувыркался в воздухе, а потом ударился о воду.

Из легких вышибло весь воздух, и оглушенный, он начал погружаться во тьму. Руки-ноги заскребли по мшистому камню, от боли в ранах тело одеревенело. Тамас попытался за что-нибудь уцепиться и глотнуть воздуха, но не вышло.

Тело слабело, он едва удерживался от того, чтобы не наглотаться воды.

Вдруг по воде разнесся грохот. Впереди замаячило свечение, придав Тамасу сил. Он толкнулся вперед, и внезапно его голова очутилась над водой. Течение понесло его по реке ниже Тильпура.

Небо над фортом лизали языки пламени. Тамас изумленно уставился на форт, не в силах думать ни о чем, кроме воздуха в легких, и только тогда понял, что сдетонировали боеприпасы.

Со смехом, больше похожим на придушенные всхлипывания, он из последних сил поплыл к берегу.

Спустя три дня после ночного рейда Тамас вошел в главные ворота крепости Тильпур. Рука с перебинтованным запястьем беспомощно висела на перевязи, мундир был наброшен на одно плечо. Болело все: голова, запястье, ребра, плечо, ноги. Легкий пороховой транс сдерживал боль, лишь слегка гудело в затылке. Без мушкета за плечом и без кивера на голове он чувствовал себя голым. При виде двора форта среди бела дня по спине побежали мурашки. Казалось, какой-нибудь гурланец вот-вот высунется из окна казармы и выстрелит в него.

Однако форт очистили от гурланских войск еще два дня назад. Взрыв боеприпасов пережило меньше шестисот человек, многие были ранены. Командир гарнизона сразу попросил о переговорах и сдался без условий. Гурланцев разоружили и разместили в лагере на равнине. Адроанские офицеры решали, что с ними делать.

Несомненно, это была поворотная точка сезона, если не всей кампании. А генерал Сеске пока так и не вызвал Тамаса к себе.

Задержавшись во дворе, Тамас наблюдал, как адроанские солдаты занимаются ремонтом. Из-за взрыва земля просела на дюжину футов, отчего пострадал двор и обрушилась большая часть казарм. Из-под обломков до сих пор вытаскивали тела. Камни внутренней стены, защищенные магией, очищали от сажи и пепла.

За процессом следил с парапета генерал Сеске, стоя недалеко от того места, где Тамас и его команда поднялись на стену. Его окружали адъютанты. С широкой улыбкой он раздавал приказы и шутил с офицерами, заткнув большие пальцы за пояс и надвинув бикорн вперед, будто единолично покори́л Тильпур.

Тамас подумал, что это не сулит ничего хорошего.

Сеске лишь на миг задержал взгляд на Тамасе. Улыбка дрогнула, и взгляд скользнул дальше – ни жеста, ни усмешки, ничего, чтобы поприветствовать человека, который только что преподнес ему вражескую крепость на блюдечке. Сеске продолжал шутить с офицерами.

Тамас обошел форт по кругу, проверяя ход ремонта, и, заглянув в колодец, изучил древнюю ржавую решетку, которая чуть его не убила. Он отсчитал пятнадцать шагов от колодца и, усмехнувшись, шаркнул по черному запятнанному камню. Как выяснилось, Избранный, на которого он приземлился, умер почти мгновенно – от удара его позвоночник сломался, как ветка. Пятно под сапогом Тамаса – скорее всего, кровь Избранного.

– Сержант, – раздался голос.

Подняв голову, Тамас увидел одного из адъютантов Сеске.

– Да?

– Вас хочет видеть генерал.

Тамас последовал за адъютантом к ближайшей караулке и поднялся по крутой узкой лестнице. С каждым шагом боль в боку усиливалась. Добравшись до верха, он весь покрылся потом, кружилась голова. Порохового заряда в карманах не нашлось.

Когда Тамас подошел к Сеске, тот был один. Генерал хмуро смотрел на лагерь пленных гурланцев. Он не обернулся.

Тамас отдал честь левой рукой.

– Сэр.

– Полагаю, – сказал Сеске, – ты думаешь, что получишь за это повышение?

Тамас опустил руку, пытаясь побороть головокружение. Пороховой транс почти иссяк.

– Я бы не дерзнул, сэр.

– Да, не дерзнул бы. Я говорил с Перегом. Он весьма обрадовался капитуляции гурланцев и упомянул о твоих амбициях. Ты хочешь получить офицерское звание. Это правда?

У Тамаса пересохло во рту. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Я бы хотел служить королю в звании офицера, сэр.

– Так это правда? – Сеске покачал головой. – Я этого не потерплю. Не в этой армии.

Тамас сдержал гневную реплику. Конечно, на такое заявление есть веская причина?

– Я не уверен, что понимаю, сэр.

– За эту победу король, скорее всего, пожалует мне земли. Перега повысят до майора, его тетя будет без ума от радости. И за то, и за другое от меня тебе благодарность. Но офицер должен быть благородной крови. Ничто не убедит меня в обратном. Не будь строг к себе. Я понимаю, что твое происхождение – не твоя вина. Но так устроен мир, и тебе нужно к этому привыкнуть.

«Мне от него благодарность?»

Тамас глянул на Сеске, на то, как опасно близко тот стоит к краю стены. Один быстрый толчок и... что? Его отдадут под трибунал и расстреляют? Ради того, чтобы заткнуть одного-единственного хвастуна?

– Тебя не повысят, но вознаградят денежным довольствием, – добавил Сеске. – Как вернетесь в Адопест, весь отряд получит медали от короля. Я даже походатайствовал, чтобы твои раны залечил Избранный, – сократить срок выздоровления. В конце концов, такой человек, как ты, чрезвычайно полезен. Возможно, стоит отправить тебя в Херон, послушать, что посоветуешь по поводу осады. – Он сделал паузу. – Ба, гляди веселей! Через пару лет станешь мастер-сержантом. Но, как сам сказал... не держай. Свободен, сержант.

Тамас несколько мгновений смотрел на Сеске, не веря ушам. Ему не нужны ни денежное довольствие, ни его благодарности. И плевать на проклятую медаль. Он хотел повышения, которое честно заслужил, – убил двух гурланских Избранных и, считай, в одиночку взял форт. Судя по самодовольному виду Сеске, тот думал, что Тамас его возблагодарит за то, что его не произвели в офицеры. Тамас почти слышал его мысли: это для твоего же блага, выскочка.

– Я сказал, свободен, сержант.

– Спасибо, сэр, – сумел выдать Тамас, вяло отдав честь. Сеске, похоже, ничего не заметил.

Едва удерживаясь в вертикальном положении, Тамас споткнулся на ступеньках и остановился передохнуть на главном этаже караулки, прислонившись головой к

прохладному камню. Это все, чего ему ждать в карьере? Неужели командование совсем не уважает риск, который берет на себя пехота? Или «храбрость» – лишь слово, призванное подтолкнуть его навстречу картечи во славу других?

– Сержант.

Тамас поднял голову. К нему подошел капитан Перег. Пока Тамас пытался отдать честь, его охватил гнев.

– Нет, не надо. – Перег наморщил лоб. – Я пришел извиниться. Сеске сказал, что не даст тебе повышения, и по лицу вижу, ты только что об этом узнал. – Он скривился. – Понятно, что ты разочарован, и пусть это и не большое утешение, но я написал благодарность, которая отправится в твоё досье в Адопест. Я позабочусь, чтобы её копию получил не только генерал Сеске.

– Спасибо, сэр.

– Это тебе спасибо. Мне хотелось, чтобы ты знал: я откажусь от повышения по службе по причине того, что тебе в нём отказали.

– В этом нет необходимости, сэр.

– Это самое малое, что я могу сделать. По крайней мере один офицер в адроанской армии должен выразить признательность за твой поступок.

Тамас ещё раз поблагодарил Перега и побрел обратно под жаркое солнце пустыни. Остановившись, чтобы отдышаться, он глянул на ободранные ладони. Возможно, трость – хорошая идея, по крайней мере, пока Сеске не предоставит его заботам Избранного целителя. Нахмурившись, Тамас поднял голову – воцарилась внезапная тишина.

Все солдаты, занятые на ремонте форта, прекратили работу. Они стояли и смотрели на него, шурясь на солнце. Один вскинул руку в воинском салюте. Постепенно к нему присоединились все остальные. Его молча приветствовали больше сотни пехотинцев.

Тамас вытер слезу в уголке глаза, выпрямился и отсалютовал в ответ. Да, он сделал это ради повышения, напомнил он себе. Но ещё ради чего-то более важного – ради спасения жизней, которые иначе были бы растрачены впустую. И пехотинцы, честные добрые мужчины и женщины, это знают.

И будут помнить.